

Г. В. Мурзо

«Учитель Лермонтова»: маленькая книжка большого ученого

В 2010 году исполнилось 100 лет Анатолию Николаевичу Иванову. Профессор Ярославского педагогического института (ныне университета), палеонтолог, он известен своими трудами и в области истории науки, в частности как автор книг о Константине Дмитриевиче Ушинском, а также о его предшественнике на посту профессора Демидовского лицея, преподавателе словесности Алексее Зиновьевиче Зиновьеве – учителе М. Ю. Лермонтова и одном из первых ярославских краеведов. Сделанное А. Н. Ивановым в сфере просветительства горожан, культурного созидания трудно переоценить. В аспекте культурной значимости может быть рассмотрена даже биография ученого.

Ключевые слова: обстоятельства жизни и карьера ученого, война и мирные заботы, книга о А. З. Зиновьеве – учителе М. Ю. Лермонтова, самоидентификация ученого в культурном пространстве города.

G. V. Murzo

"Lermontov's Teacher": a Small Book of a Great Scientist

In 2010 Anatoly Nikolaevich Ivanov celebrated his 100 anniversary. The professor of Yaroslavl Pedagogical Institute (nowadays University), a paleontologist, he is known for his works in the field of science history, in particular as the author of books about Konstantin Dmitrievich Ushinsky, and also about his predecessor on the post of the professor of Demidovsky Lyceum, the teacher of Literature Alexey Zinovievich Zinoviev – a teacher of M. Yu. Lermontov and one of the first specialists of the Yaroslavl region. What was done by A. N. Ivanov in the sphere of enlightenment of citizens, cultural creation it is difficult to overestimate. In the aspect of the cultural importance the scientist's biography can be even regarded.

Keywords: circumstances of life and the scientist's career, war and peace cares, the book about A. Z. Zinovyev – a teacher of M. Yu. Lermontov, self-identification of the scientist in cultural space of the city.

Маленькая книжка с названием «Учитель Лермонтова» [1], которая является предметом нашего интереса, часть большого научного наследия профессора А. Н. Иванова, в недавнем прошлом преподавателя Ярославского пединститута. Изучение архивных документов, имеющих отношение к жизни и деятельности ученого, позволяет предположить, что сам Анатолий Николаевич скромно оценивал эту работу, редко упоминая в длинном списке других. Возможно, она была эпифеноменом узкоспециальных исторических изысканий или долговременных исследований, связанных с пребыванием в Ярославле К. Д. Ушинского¹.

Приуроченная к 950-летию Ярославля, книга увидела свет в 1966 году. Верхне-Волжское издательство выпустило ее в серии «Они любили наш город», привнеся в акт публикации юбилейный пафос. Книга адресована широкому кругу читателей и имеет статус научно-популярного издания. Нет никакой необходимости оспаривать этот факт, но есть смысл присмотреться к работе,

чтобы утвердить значительность ее научно-познавательного потенциала.

Совсем небольшая по формату и объему, книжка написана на основе 103 источников, среди которых редкие публикации и архивные материалы, сгруппированные автором в два библиографических блока: «о жизни и трудах А. З. Зиновьева», «сочинения и переводы А. З. Зиновьева». Среди этих последних особо отмечены статьи и тексты выступлений ученого, не найденные, а потому и не использованные пишущим – достойная быть замеченной поисковая щепетильность.

Как работа, построенная на данных серьезного комплексного исследования, книжка обладает всеми свойствами научного документа: объективностью, точностью, выверенной логикой, безусловной новизной: в оборот введены неизвестные ранее источники информации, актуализированы известные. Правда, опущены обобщения, требующие абстрагирования от конкретного материала и выводов в пользу определенной области знания (истории, педагогики, культуроло-

гии), отсутствует подчеркнутая проблематичность, но их не предполагает очерковая природа работы.

Большое количество ссылок, примечаний, путных пояснений дает возможность увидеть в книге результат тренированного научного мышления, использующего иллюстрирование цитатным материалом и реминисценции для расширения культурного контекста, в рамках которого воспринимается сообщаемое. Адекватное восприятие требует от читателя навыка общения с научным текстом, владения алгоритмом научного размышления, при этом написана книга доступным языком, без назидательной акцентуации, читается легко и свидетельствует о высокой коммуникативной культуре автора-преподавателя, его писательском мастерстве.

Структура изложения достаточно ясная: оно строится как рассказ о жизни замечательного человека, хотя и лишенный интриги беллетризованных биографий. Полностью реализовать исследовательский замысел ученому помогают специальные вкрапления, своеобразные информационные ниши. Читатель, путем совместных с пишущим рассуждений, извлечет знания по усилиям, однако основного не пропустит: узнает об Алексее Зиновьевиче Зиновьеве, его самоотверженном труде педагога.

В книге четыре главы («В Московском университете», «В Благородном пансионе», «Профессор словесности в Ярославском лицее», «Снова в Москве»), каждая делится на части. Например, вторая последовательно раскрывает вопросы:

1. Значение Московского университета и Благородного пансиона, существовавшего при нем.
2. Инспектор пансиона проф. М. Г. Павлов и его педагогические взгляды.
3. Педагогические статьи А. З. Зиновьева в журнале «Атеней»².
4. Русский наставник Лермонтова.

Первая глава [1, с. 1–17], впрочем, как и последняя [1, с. 120–129], формально не членится, но смысловые части естественно выделяются при ближайшем рассмотрении и позволяют понять логику поиска основного смысла описываемой жизни – беззаветной преданности выработанной в юности идее приоритета общественной пользы.

Функцию событийной завязки берут на себя впечатляющие биографические сведения. Родился А. Зиновьев в Москве 4 февраля 1801 года, родители его неизвестны, но есть свидетельства,

что происходил он из мещан и состоянием не обладал. Во время войны 1812-го года подростком видел отступление Кутузовской армии и пожар Москвы, пережил вместе с соотечественниками восторг победы, ликование по поводу вступления русских в Париж, гордость признания государственного престижа России.

Подъем патриотических чувств выражался тогда в стремлении молодежи учиться в Московском университете, который был центром российского образования: здесь закладывались ученые, литературные, политические карьеры. Для разночинцев путь в университет не был заказан, но лежал через губернскую гимназию или Московский воспитательный дом, в специальных классах которого наиболее одаренные сироты и дети бедняков готовились для поступления в высшее учебное заведение. Предполагается, что А. Зиновьев прошел именно такую подготовку и в августе 1818 года был принят на отделение словесных наук. Небезынтересно узнать, что однокурсником Зиновьева оказался будущий знаменитый поэт Ф. Тютчев. Однако, насколько известно, судьбы их больше не пересекались.

Специфическим вкраплением в первую главу является анализ принципов организации системы образования в России начала 19 века, иерархии учебных заведений и видов попечения над ними, разъяснение функций университета и заслуг его профессоров [1, с. 6–7, 9–15]. Отметим попутно, что ярославский Демидовский лицей находился «в ведении» Московского университета³ и в самый момент открытия в 1804 году был обеспечен преподавателями из числа его выпускников.

Вторая глава [1, с. 18–71] сосредоточивает внимание на особом структурном элементе образовательной системы – Благородном пансионе при Московском университете. Пансион существовал как академическая школа, где занятия вели профессора и слушатели университета, где с учетом достижений мировой педагогической науки и отечественной практики совершенствовались методы обучения и решалась одна из культурных задач большого государственного значения – доказывалось преимущество воспитания (обучение было его неотъемлемой частью) в общественных учебных заведениях перед воспитанием домашних.

А. З. Зиновьев начал преподавать в Благородном пансионе с 1823 года. Это было закрытое платное заведение, предназначенное исключительно для дворян. Обучение продолжалось шесть лет по программе, превышающей гимна-

зическую и к тому же включающей некоторые военные дисциплины, необходимые для молодых людей, поступавших из пансиона на военную службу.

Попасть в учителя пансиона мог далеко не всякий: сюда приглашались не просто ученые, а талантливые педагоги и воспитатели, которые сами составляли учебные книги и пособия. Преподавание в пансионе считалось делом чести даже для профессоров и адъюнктов университета. А. З. Зиновьев, назначенный учителем русской словесности и латинского языка, встретил здесь быстро ставших известными профессоров А. Ф. Мерзлякова, Д. М. Перевозчикова, И. М. Снегирева, магистров П. Н. Погорельского, А. М. Гаврилова и др. В книге содержатся сведения о них как педагогах, определявших высокий профессиональный стандарт.

Этому стандарту стремился соответствовать и начинающий преподаватель. Уже спустя год, в 1824-м, Зиновьев издал большую книгу «Римские древности» (перевод с немецкого, дополненный авторским комментарием), а немного позже, в 1829-м, на основе накопленного опыта написал «Учебную книгу латинского языка». Одновременно он работал и над магистерской диссертацией историографического характера, благополучно оконченной в 1826-м и опубликованной в 1827-м году под названием «О начале, ходе и успехах критической российской истории».

Не останавливаясь на этой в значительной мере прогрессивной работе, скажем только, что во второй ее части были рассмотрены труды по истории России, или «систематические описания» в хронологическом порядке. Тут нашли место сведения о Татищеве, Ломоносове, Щербатове и т. д. Спросим себя, не в них ли точка соприкосновения исследовательских пристрастий проф. А. З. Зиновьева и проф. А. Н. Иванова, докторская диссертация которого была посвящена истории палеонтологии и, среди прочих, касалась творческих биографий названных российских ученых?

Зиновьев, начав преподавать параллельно с латинским и русским языками историю, полагаясь на новейшие западные и отечественные учебники, скоро понял, что юношество нуждается в особенной учебной книге, где обстоятельно освещались бы «история наук и художеств» и «история краев и областей, присоединенных к России», то есть этнография с географической подоплекой. В конце 1829-го года он издает с

методической целью «Краткую всемирную историю». Названный так труд представлял собой объемный том убористого текста, тоже перевод с немецкого, но с весьма существенными дополнениями и «переменами», целесообразность которых издатель объяснял в предисловии, напрямую обращаясь с доверительным словом к тем, кому помогал овладеть знаниями – основой будущей практики:

«...Издавая немецкое сочинение для русских, мне по необходимости надлежало сделать некоторые перемены, ибо действительная польза, извлекаемая из учения истории, требует, чтобы Читатели с той точки зрения рассматривали происшествия, на которой они по своему гражданскому состоянию находятся. Иначе опыты веков и народов останутся менее, нежели бесполезными. Равным образом я должен был распространить известия, собственно до России касающиеся, сколько позволял план книги <...>. Поручая труд свой благосклонному вниманию любознательных и, следовательно, благонамеренных Читателей, прошу снисхождения их не к тому, чем я обязан Пелитцу, Еверсу и др. историкам, но к собственным моим переменам, дополнениям и недостаткам в сей книге» [5, с. I–II].

Оригинальные статьи, трактаты, дидактические рассказы ученый помещал в литературно-научном журнале «Атеней», редактируемом его учредителем, инспектором пансиона проф. М. Г. Павловым. Специальное вкрапление, сделанное А. Н. Ивановым, содержит характеристику личности Павлова, анализ и оценку его педагогических взглядов [1, с. 31–42]. Считаем данный фрагмент книги чрезвычайно важным для понимания не только научных устремлений Зиновьева, но и заслуг тех, кто эти устремления пробуждал, поддерживал, определял, также для осознания связи педагогической науки с актуальным историческим творчеством – воспитанием гражданина, отвечающего духу свободолобного времени, того самого, которое очень скоро будут называть пушкинским.

В разные годы воспитанниками пансиона были русские писатели Фонвизин, Новиков, Богданович, Жуковский, Грибоедов, В. Ф. Одоевский, Лермонтов, декабристы Каховский, Н. И. Тургенев, Юшневский, Якубович и др., прославившие пансион и его учителей.

Вступивший на престол Николай I почитал Благородный пансион, как и университет, за рассадник антиправительственных мыслей. Он лично осмотрел учреждение в сентябре 1826-го года

и не нашел должного порядка – в результате здесь был введен режим военного учебного заведения. Благодаря усилиям инспектора М. Г. Павлова, лучшие традиции российской школы все-таки не были при этом утрачены.

А. З. Зиновьев застал пансион в лучшей поре и сам внес в его золотой фонд солидную лепту. Убедительным доказательством тому служат разобранные А. Н. Ивановым педагогические статьи Зиновьева в «Атенее». Очередное вкрапление углубляет представление о научной квалификации «учителя Лермонтова». На страницах журнала Зиновьев ставил проблему домашнего воспитания, нравственного облика воспитателя, отношения родителей к учителю, педагогического просвещения семьи через книгу, проблему детского чтения, эстетического развития ребенка в контакте с природой и искусством, психического – в процессе наблюдения и самонаблюдения, а также многие другие [1, с. 43–59].

Возвращаясь к главной линии книги, задумываясь над представленными автором материалами, понимаем, что наставником Лермонтова Зиновьев стал не случайно [1, с. 59–71]. Бабушка будущего поэта знала о педагогических заслугах Алексея Зиновьевича от своих московских знакомых. Имел он и влиятельного рекомендателя – Е. П. Мещеринову, близкого друга Елизаветы Арсеньевой.

С осени 1827 по осень 1828 года Зиновьев готовил 13-летнего мальчика к поступлению в университетский пансион, «наставляя» в русском языке, литературе, истории и географии. Всячески поощрял Зиновьев занятия Лермонтова рисованием, лепкой, музыкой и был полезен ему своими обширными познаниями в области искусств. Ему же было поручено приглашать других учителей по своему усмотрению.

Домашние занятия Зиновьева с Лермонтовым имели продолжение в пансионе, где Алексей Зиновьевич был «надзирателем», учителем, библиотекарем, и в том, что на него была возложена обязанность «следить за учебой» Мишеля, сказывалось особое доверие бабушки. Отношения наставника с воспитанником были добрые: мы узнаем, что Лермонтов дал своему учителю любимый альбом покойной матери, в который тот написал несколько стихотворных строк⁴.

Пансион Лермонтов начал посещать с 4-го класса на положении полупансионера. Зиновьев преподавал ему русский синтаксис и историю, а географию – И. Н. Данилевский, ныне известный как литератор. В письме к тетке М. Н. Шан-

Гирей юный Лермонтов писал: «...В русской грамматике учу синтаксис... мне дают сочинять... в географии учу математическую: по небесному глобусу градусы, планеты, ход их и пр. ... прежнее учение истории мне очень помогло» [1, с. 66]. При переходе в 5-й класс мальчик получил награду – книгу и картину, имел шесть высоких баллов и только две тройки – по закону Божьему и латинскому языку.

В 5-м и 6-м классах Зиновьев не преподавал, но наблюдать за учением Мишеля продолжал, и уже другой родственник Лермонтова, А. П. Шан-Гирей, отмечал, что часто видел его в доме Е. Арсеньевой [1, с. 66].

На одном из торжественных актов Лермонтов читал элегию В. Жуковского «Море». Выступление было подготовлено Зиновьевым. Сочинения дома и в пансионе будущий поэт писал тоже под руководством Зиновьева, ему показал свои первые стихи. Сохранилась тетрадь с записью на полях: «Зиновьев нашел, что эти стихи хороши» [1, с. 67]. В «Атенее» будет напечатано стихотворение Лермонтова «Весна», сразу со всей очевидностью утвердившее превосходство ученика над учителем, бывшим теоретиком стихосложения.

Заканчивая анализ второй главы, подчеркнем: А. Н. Иванов, выявив, что первые биографы Лермонтова лишь вскользь упоминали о его русском наставнике, а заметки самого Зиновьева о первых годах учения Лермонтова лежали в архиве и были опубликованы лишь в советское время, существенно восполнил этот пробел, суммировав ставшие доступными сведения. Название книги формально указывает на кульминационный характер второй главы, но подзаголовок корректирует это представление в пользу третьей.

Свыше шестнадцати лет А. З. Зиновьев был «профессором словесности в ярославском лицее». Многие его ученики стали учителями школ губернии, на других он оказал влияние как педагог-энтузиаст и журналист. Проявляя интерес к городу, приезжий профессор выступал в местной печати и был одним из зачинателей краеведения в Ярославле.

Известно, что Зиновьева назначили преподавателем кафедры «словесности, древних языков и русского красноречия» Демидовского лицея в 1830-м году⁵. В этом же году оставленный им Благородный пансион оказался преобразованным в гимназию. Лермонтов в апреле того же года, не окончив 6-го класса, уволился из пансиона, а 1-го сентября поступил на нравственно-

политическое отделение Московского университета. Взрослая его жизнь протекала без участия Зиновьева.

В Ярославле перед А. З. Зиновьевым открылось более широкое педагогическое поприще. Демидовский лицей никогда не был чисто дворянским учебным заведением. Лицеисты из разночинцев совмещали учебу с уроками в частных домах, а по окончании курса шли преподавать в общественную школу [4]. Зиновьев, таким образом, стал учителем учителей и, что особенно важно, лучшим примером для подражания.

Если раньше он говорил о домашнем воспитании, то теперь рассуждал о задачах народной школы, специфике подготовки учителей, в частности русского языка и словесности. Это, в свою очередь, стимулировало его внимание к вопросам языкознания и литературоведения, к проблеме сохранения народного языка («наречий») и культуры («народных древностей») [1, с. 86–87]. Он пишет «Основы риторики и пиитики», «Основания стилистики», преподает эстетику и проводит идею всестороннего обучения, заложенную, кстати сказать, основателем Демидовского лицея в его образовательный фундамент [4, с. 23].

Специальное знакомство с названными работами ученого позволяет увидеть обозначенные им самим, в виде предуведомления читателя, творческие перспективы: «...предполагая в последствии начертать подробнейший план энциклопедии словесных наук с разделением их на подготовительные, основные, вспомогательные и производные; предполагая по частям их обрабатывать и довершить разные начатые отделы, я ограничусь изложением только основных словесных наук и обращаюсь к издаваемым мною “Основаниям риторики и пиитики”. Они названы новыми более по порядку и системе, чем по содержанию. В них и в “Стилистике” с “Рифмикою”, которые издадутся скоро, любители прежнего порядка найдут...» и т. д. [6, с. I–XII]. В набор учебных книг должна была войти и хрестоматия, или «Сборник» поэтических и прозаических примеров.

Осознавая себя членом сообщества преподавателей, Зиновьев не забывал поблагодарить своих учителей, отметить достоинства коллег, на труды которых опирался. При этом была еще и другая сторона жизни. Газетные публикации Зиновьева в 1845 и 1846-м годах вызывают неизменный интерес к ярославцам, заслуги коих перед обществом он утверждал, а также к истории,

экономике ярославской земли, ставшей, пусть не навсегда, родной⁶.

За время пребывания в Ярославле А. З. Зиновьев обзавелся семьей (у него жена-дворянка и двое сыновей), дослужился до генеральского чина (с 1843 года он статский советник), хорошо известен горожанам не только по выступлениям в газете, но и по публикациям лицейских речей. Но, увы, в 1846 году в связи с реорганизацией лицея и изменением учебных программ ему пришлось оставить ярославскую кафедру и вернуться в Москву.

В некотором смысле его место займет направленный в Демидовский лицей после окончания юридического факультета Московского университета Дмитрий Константинович Ушинский. Он станет восприемником Зиновьева на посту редактора неофициального отдела «Губернских ведомостей», продолжит краеведческие изыскания. А главное, печатные труды Зиновьева, с которым Ушинский никогда не встречался, будут способствовать зарождению его педагогических интересов, приверженности тем идеям, которые он углубит и блестяще разовьет в собственных работах, представит в виде самостоятельной непротиворечивой теории.

Последняя глава книги А. Н. Иванова [1, с. 120–122] не сразу ставит точку в конце удивительной жизни его героя. Увольнение Зиновьева из лицея совпало с 25-летием государственной службы, дававшим ему право на отставку. Однако, вернувшись в Москву, Зиновьев в 1847 году поступил инспектором и профессором русской словесности в Лазаревский институт восточных языков, по общему уровню преподавания соответствующий лицам. Прослужил там до 1858-го года и к 40-летию института в 1858-м году издал посвященный ему исторический очерк, так как был убежден, что «учебное заведение, существующее сорок лет и ежегодно совершенствуемое, приносящее очевидную общую пользу в деле воспитания юношества, достойно иметь свою историю» [1, с. 120]. Возможно, не без влияния этого впечатляющего факта и сам А. Н. Иванов обратится к прошлому Ярославского педагогического института, в котором служил долгие годы, и напишет развернутый очерк его назидательной истории.

А. З. Зиновьев, оставив службу в институте, давал бесплатные уроки русского языка в малолетнем отделении воспитательного дома, были у него и другие бескорыстные дела, добровольно взятые на себя обязанности. С большим пристра-

ствием занимался старый профессор переводами, работал над улучшением своих учебных пособий, готовил к печати (не успел издать) книгу «Греческие древности». Заинтересованно следил он за школьными преобразованиями в России, оценивая их соответствие собственной гуманистической позиции: «Рациональный ход учения, опытная педагогическая распорядительность... знание дела... отеческая заботливость, а не поденные труды – вот что облегчает и делает приятным учение» [1, с. 121].

Умер А. З. Зиновьев 14 февраля 1884 года в Москве, и до самых последних дней к нему приходили для занятий дети. «...Не так жаль расставаться с жизнью, как расставаться с трудом», – были его последние слова [1, с. 122].

Мы прибегли к рациональным извлечениям из книги с целью интерпретации отдельных ее положений, чтобы сделать обоснованным и вывод о ее культуросозидательном эффекте. Очевидно, что в результате жизненных усилий замечательных педагогов, одним из которых был профессор А. З. Зиновьев, складывалось (эволюционировало, повторяясь в главном) представление об идеале ученого, преподавателя высшей школы, интеллигента – выработывалась модель идентификации творческой личности в заданном культурном пространстве. Частной ее реализацией стала и жизнь написавшего о Зиновьеве профессор А. Н. Иванова с его преданностью науке, преподавательскому труду, просветительской работе в формах, предоставленных временем. Пределом творческих устремлений автора и героя книги явилась только граница их жизни.

Библиографический список

1. Иванов, А. Н. Учитель Лермонтова. А. З. Зиновьев и его педагогическая деятельность в Ярославле [Текст] / А. Н. Иванов. – Ярославль. 1966. – 129 с.
2. Иванов, А. Н. Учитель Лермонтова А. З. Зиновьев в Ярославле [Текст] / А. Н. Иванов // «Стрелка». – Сб. I. – Ярославль, 1960. – С. 62–64.
3. Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, 2004.
4. Покровский, С. П. Демидовский лицей в г. Ярославле в его прошлом и настоящем [Текст] / С. П. Покровский. – Ярославль. 1914. – 264 с.
5. Зиновьев, А. Краткая всемирная история [Текст] / А. Зиновьев. – М. 1829. 550 с.
6. Зиновьев, А. Основания риторики по новой и простой системе Ауэрбаха Ч. И. [Текст] / А. Зиновьев. – М., 1836. – 54 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ivanov, A. N. Uchitel' Lermontova. A. Z. Zi-nov'ev i ego pedagogicheskaya deyatel'nost' v YAroslavle [Tekst] / A. N. Ivanov. – YAroslavl'. 1966. – 129 s.
2. Ivanov, A. N. Uchitel' Lermontova A. Z. Zinov'ev v YAroslavle [Tekst] / A. N. Ivanov // «Strelka». – Sb. I. – YAroslavl', 1960. – S. 62–64.
3. EHntsiklopediya Brokgauza i EHfrona, 2004.
4. Pokrovskij, S. P. Demidovskij litsej v g. YAroslavle v ego proshlom i nastoyashhem [Tekst] / S. P. Pokrovskij. – YAroslavl'. 1914. – 264 s.
5. Zinov'ev, A. Kratkaya vseмирnaya istoriya [Tekst] / A. Zinov'ev. – M. 1829. 550 s.
6. Zinov'ev, A. Osnovaniya ritoriki po novoj i prostoј sisteme Auehrbakha Ch. I. [Tekst] / A. Zinov'ev. – M., 1836. – 54 s.

¹ Первое, короткое, сообщение А. Н. Иванова о А. З. Зиновьеве как учителе Лермонтова появилось в местном издании в 1960 году [2]. К этому времени в активе исследователя более сорока научных работ по геологии, палеонтологии, истории отечественной науки и краеведению. Среди них «Материалы о К. Д. Ушинском как редакторе “Ярославских губернских ведомостей”», «Ярославская печать о К. Д. Ушинском», «К. Д. Ушинский в Ярославле».

² Литературно-критический журнал, основанный и издававшийся проф. Московского университета М. Г. Павловым с 1828 по 1830 г. Выходил двумя книгами в месяц; содержал «статьи по словесности, наукам, критике»; имел весьма обстоятельный отдел библиографии [3].

³ Ярославское высших наук училище, позже преобразованное в Демидовский лицей, «опекалось» Московским университетом до 1835 г. В его уставе было записано: «...Состоит непосредственно под ведением и покровительством Совета или общего собрания Московского университета» [1, с. 74; 4, с. 11 и др.].

⁴ А. З. Зиновьев не был сколько-нибудь значительным поэтом, но он поддерживал новый взгляд на поэзию, пытался воплощать его в своих поэтических опытах. Позже историк Демидовского лица подчеркнет, что с середины 20-х годов в поэзию студентов, отмеченную ложноклассическими выражениями и образами, вольются «два новых литературных течения – сентиментализм и романтизм, привнесенные в учение профессорами Ханенко и Зиновьевым» [4, с. 78].

⁵ Напомним, что ярославский лицей назывался тогда «Демидовским высших наук училищем». Кафедру «словесности, древних языков и российского красноречия» А. З. Зиновьев занял после смерти проф. М. И. Ханенко, тоже выпускника Московского университета, назначенного в Ярославль в 1812 году, а до того служившем, подобно Зиновьеву, надзирателем и учителем в университетском Благородном пансионе [4].

⁶ См.: Известие о жизни заслуженного проф. Демидовского высших наук училища ст. сов. Ф. А. Шмидта // Ярославские губернские ведомости (неоф. часть). 1845. № 37. С. 95; Слово, произнесенное при гробе Василия Савича Смирнова, проф. Ярославского Демидовского лица // Ярослав. губерн. ведом. (неоф. часть). – 1846. – № 26. – С. 86–88; О торговых селах и местах Ростовского уезда // Ярослав. губерн. ведом. (неоф. часть). – 1846. – № 1. – С. 1–4; [О месте погребения князей Мих. и Мих Юр. Щербатовых] // Ярослав. губерн. ведом. – 1846. – № 6. – С. 20–21.